

В этом году исполнилось 35 лет с момента вывода советских войск из Демократической республики Афганистан. 15 февраля 1989 года последние части ограниченного контингента советских войск покинули территорию НДРА и вернулись на Родину.

У каждого ветерана-афганца «свой Афганистан», «своя война», свои воспоминания об этой войне. Около 400 жителей нашего города проходили службу в Афганистане. В настоящее время в корпорации «Тактическое ракетное вооружение» (член СоюзМаш России) работают пятеро участников той войны. Один из них – советник генерального директора, председатель Совета ветеранов войны, труда, боевых действий и военной службы корпорации, председатель корпоративного подразделения СоюзМаш России, генерал-лейтенант Владимир Иванович Бугреев. Вот некоторые отрывки из его воспоминаний о буднях Афганской войны.

Спецкомандировка майора Бугреева в Афганистан началась в 1980 году. На тот момент он служил заместителем начальника особого отдела КГБ СССР по 23-й танковой дивизии 8-й танковой армии Прикарпатского военного округа. Убыл в Афганистан в начальный период войны, когда никто не мог предположить, что она продлится почти 10 лет. Другой особенностью спецкомандировки было пребывание в афганской армии в отрыве от советских войск. Общение с «шурави» и своих афганцев, и арестованных душманов сопровождалось неподдельным любопытством и интересом с их стороны.

КОМАНДИРОВКА НА ШЕСТЬ ВЕКОВ НАЗАД

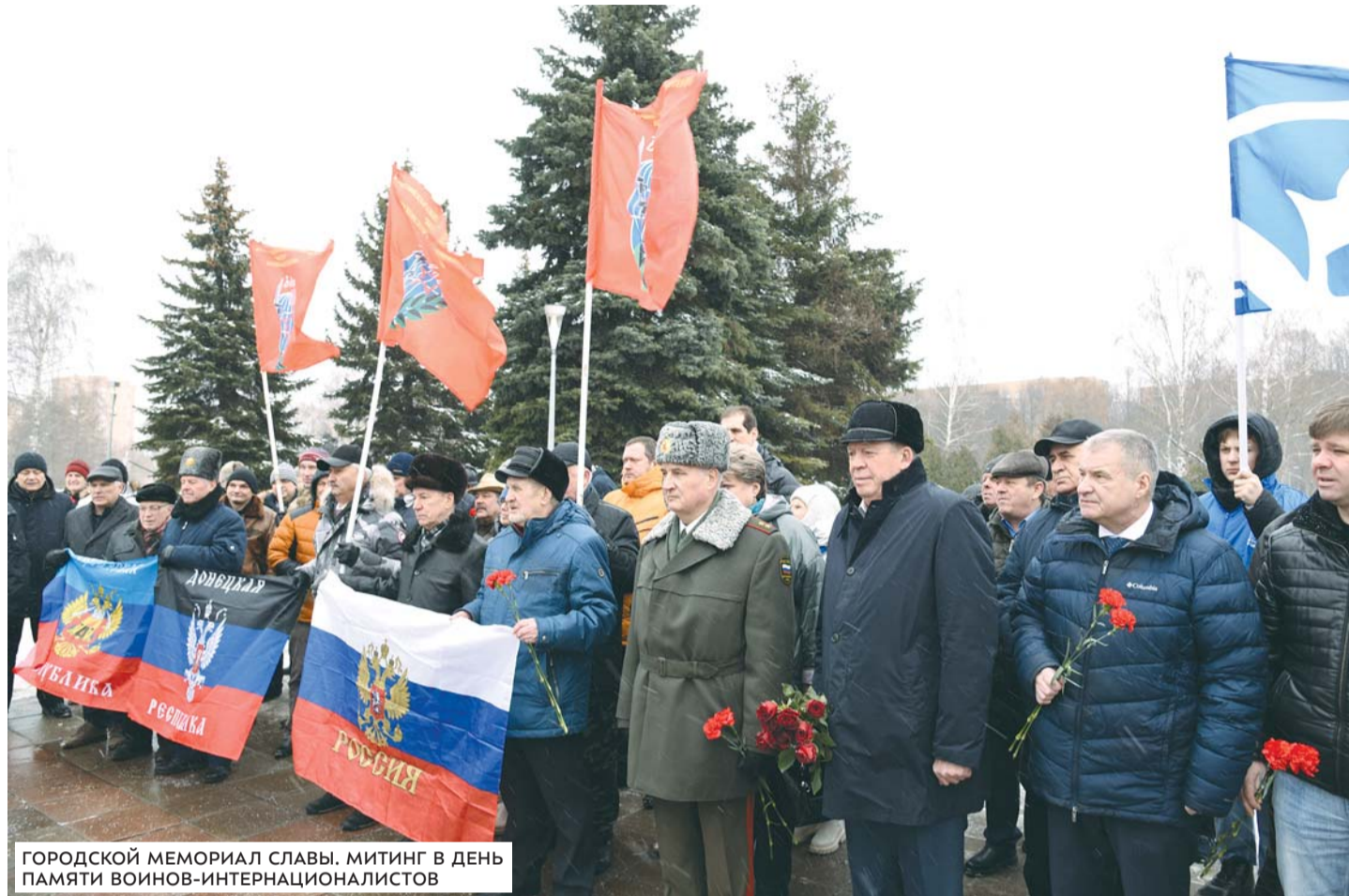
Вылетев из Москвы в июле 1980-го, через несколько часов мы приземлились в Кабуле, где по афганскому календарю стояло лето 1359 года.

Решением руководства представительства КГБ СССР в Демократической Республике Афганистан я был направлен в качестве советника начальника контрразведки в 25-ю афганскую пехотную дивизию, которая дислоцировалась в округе Хост, провинция Пактия на юго-востоке страны, на границе с Пакистаном. Уже два года её части действовали в окружении превосходящих сил противника. Сообщение только по воздуху, потому что две ведущие к ней дороги перекрыты враждебными племенами – джадран и мангал. Все попытки афганских частей очистить путь не имели успеха. В тяжёлых боях они потеряли целый полк в полном составе вместе с техникой и вооружением. На тот момент граница не охранялась, и банды беспрепятственно проходили с территории Пакистана и обратно.

Инструктировал меня руководитель оперативной группы МО СССР, генерал армии Сергей Фёдорович Ахромеев. После доведения вышеизложенной информации и завершая беседу, он пожал мне на прощание руку и по-отечески напутствовал: «Счастливо. Будь там поосторожнее...» Эти слова запомнились мне на всю жизнь.

То, что я увидел, прибыв на место, произвело неизгладимое впечатление. В первую очередь это касалось несоблюдения элементарных требований конспирации в работе офицеров контрразведки. Поэтому, зайдя в кабинет начальника отдела военной контрразведки, я с удивлением обнаружил, что на окнах нет решёток, а в незапертом столе лежат деньги – тысячи афгани, доллары – и досье на агентов, работающих на спецслужбу. На мои замечания о том, что могут не только деньги украсть, но и после ознакомления с информацией уничтожить агентов, начальник контрразведки улыбнулся: «У нас воровать не принято, а из солдат никто читать не умеет».

В следующий раз, когда я застал в его кабинете двух афганцев, на мой вопрос: «Кто вы?», один из них с гордостью ткнул

ГОРОДСКОЙ МЕМОРИАЛ СЛАВЫ. МИТИНГ В ДЕНЬ ПАМЯТИ ВОИНОВ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

себя кулаком в грудь: «Я – агент, а это – мой брат, он тоже хочет быть агентом...»

Другой агент контрразведки, находившийся по заданию в бандформировании, однажды явился на доклад вместе с родственниками. При такой «конспирации» неудивительно, что спустя какое-то время его самого и всех родных уничтожили душманы. К сожалению, такой случай был не единичным.

НА ГРАНИ РАЗУМНОГО РИСКА

Кто говорит, что в боевой обстановке ничего не боится – это неправда. Страх есть, но его можно и нужно подавить. Вспоминается такой эпизод. Поступила информация, что одна из рот афганского 19-го пехотного полка 25-й пехотной дивизии вышла из повиновения. Солдаты выгнали своих командиров и заняли оборону в крепости. Я принял решение немедленно выдвигаться на место происшествия. Вместе с переводчиком-таджиком и двумя афганскими солдатами, водителем и охранником, мы выехали на УАЗ-469 в район боевых действий.

Часа через три добрались до места и остановились около мрачной глиняной постройки, чем-то напоминавшей крепость, окружённой со всех сторон бэтэрами. Нас встретили знакомые офицеры из штаба афганской дивизии и командир взбунтовавшейся роты. Ввели в курс дела. О ЧП в дивизии уже было доложено в Кабул, руководству Минобороны Афганистана. В период войны не церемонились. От командования афганской армии поступил приказ – в случае отказа подчиниться – роту уничтожить. По моему предложению к мятежникам был направлен парламентёр с белым флажком из числа солдат, который вскоре вернулся и передал требования бунтовщиков: «Будем разговаривать только с русским офицером. Пусть приходит без оружия».

Дело принимало серьёзный оборот. Оставив оружие, мы с переводчиком вошли в крепость. Ворота захлопнулись...

Во дворе сидели, по-мусульмански скрестив ноги, грязные, заросшие щети-

АФГАНИСТАН.

ной солдаты с пулемётами и автоматами. Стволы оружия были направлены на нас. На приветствие «Салам аллейкум» никто не проронил ни слова. Это был плохой знак. Стараясь сбить напряжение, я повёл разговор издали: говорил о войне, о воинском братстве, боевых традициях дивизии и погибших за дело революции товарищах... В ходе этого разговора поинтересовался: в чём причина мятежа, может, кто-нибудь обидел? Видимо, вопрос задел за живое. Солдаты зашевелились:

– Две недели рота в боях без отдыха. Нам даже негде и некогда умыться, постирать одежду. Командование как будто забыло о нас. Даже в пятницу заставляют воевать... (у мусульман пятница – святой день).

С АФГАНЦЕМ ИЗ ДРУЖЕСТВЕННОГО ПЛЕМЕНИ

– В последнем бою душманы захватили в плен командира роты. Три наших товарища освободили его, а им за это даже спасибо не сказали.

На вопрос, как они относятся к своему командиру, солдаты наперебой стали говорить, что их командир – храбрый, бесстрашный, как все афганцы, офицер, перед

пулями никогда не кланяется, за что они его очень уважают.

«Я советский офицер. У меня нет ни денег, ни наград. Но разрешите мне, чисто по-человечески выразить вам свою благодарность», – сказал я и, подзвав к себе троих солдат, по мусульманскому обычаю каждого обнял. Переводчик, поняв всю важность момента, захлопал в ладоши, его поддержали все присутствующие. Я пообещал решить все их проблемы. И дал слово советского офицера, что к ним не будут применены меры наказания. Солдаты отложили оружие, и мы беспрепятственно покинули крепость.

Своё обещание я выполнил – репрессий в отношении солдат не было. Потом эта рота храбро сражалась с душманами и ни разу не подвела командование.

Подобная ситуация с попыткой мятежа была в 18-м афганском пехотном полку, который действовал автономно в 100 километрах от штаба дивизии, недалеко от пакистанской границы. Мятежники арестовали и изолировали под охраной командование полка и часть офицеров. После поступления указанной информации я и командование дивизии на вертолёте Ми-8 вылетели в район расположения полка. Уже на подлёте мятежники обстреляли нас из пулемётов.

После приземления за пределами дислокации полка, установили контакт и провели переговоры с мятежниками, которые всё это время держали нас под прицелом. Повезло нам, что стрельбы и жертв не было и переговоры завершились успешно. Сложно было оценить мои действия, но в глазах афганских офицеров-командиров я видел искреннее уважение.

ВОСТОК – ДЕЛО ТОНКОЕ

В те годы на положение в стране существенно влияли внутренние противоречия в Народно-демократической партии Афганистана. Два её течения, парчам (знамя) и хальк (народ), соперничали между собой. Сторонники халька были, в основном, из простонародья, а приверженцы парчама представляли зажиточные слои населе-